

Ну, можете себе представить нечто подобное? В самом деле, можно дойти до массового безумия, не имея возможности разобраться, кто из этих двоих действительно сумасшедший: госпожа Фрола или ее зять господин Понца. Подобные вещи происходят только в Вальдане, в этом злополучном городе, который, как магнит, притягивает разных экстравагантных чужаков!

Одно из двух: или он умалишенный, или она; третьего не дано; кто-то один из этой парочки наверняка рехнулся. Поскольку дело не может быть ни в чем другом, как только в этом... Однако лучше изложить все по порядку.

Клянусь вам, что я подавлен той тревогой, в которой обитатели Вальданы пребывают уже три месяца, а до самой госпожи Фролы и ее зятя господина Понцы мне нет никакого дела. Ведь, если им и вправду пришлось пережить несчастье, то верно и то, что хотя бы одному из них посчастливилось лишиться рассудка, и другой ему в этом помог и продолжает помогать таким образом, что невозможно, повторяю, разобраться, кто из этих двоих действительно сумасшедший; и уж конечно, лучшего утешения они не могли себе придумать. Однако мыслимо ли, повторяю, держать целый город в таком ужасном неведении? Не давая при этом никаких указаний, помогающих отличить призрак от действительности. В городе царят смятение и беспрестанная растерянность. Каждый встречный ежедневно видит перед собой эту парочку, смотрит им в лицо, зная, что один из них помешан; изучает, всматривается, следит за ними и...ничего! Никто не в состоянии понять, кто же из них... где призрак и где действительность. Естественно, у каждого обитателя рождается пагубное подозрение, что действительность и призрак одно другого стоят, и что любая действительность может оказаться призраком и наоборот. Вам это кажется недостаточным? На месте господина Префекта я непременно - ради душевного спокойствия жителей Вальданы - выселил госпожу бы Фролу и ее зятя господина Понцу.

Однако все по порядку. Упомянутый господин Понца прибыл в Вальдану три месяца тому назад в качестве секретаря Префектуры. Снял квартиру на окраине города в новом доме, том самом, который прозвали "Улей". Там, на последнем этаже, маленькая квартирка. С тремя окнами с видом на сельский пейзаж, высокими и печальными (так как фасад, обдуваемый северным ветром и глядящий на все эти бледные огороды, хотя и будучи новым, неизвестно отчего приобрел невероятно грустный облик), и с тремя окнами, выходящими во двор, в том месте, где заворачивают перила общего балкона, разделенного решетчатыми перегородками. Наверху с перил свисает множество корзиночек, готовых при необходимости в любой момент быть спущенными вниз на шнуре.

Однако в то же время господин Понца, ко всеобщему удивлению, снял в центре города, а именно на улице Святых, дом 15, еще одну меблированную квартирку из трех комнат и кухни. Оговорив при этом, что она понадобилась ему для тещи, госпожи Фролы. И действительно, спустя пять - шесть дней прибыла теща; господин Понца отправился за ней на вокзал один и, проводив ее на квартиру в центре города, предоставил самой себе.

Что ж, вполне понятно, когда, выйдя замуж, девушка покидает родительский дом и следует за своим супругом, хотя бы и в другой город; однако не совсем ясно, почему мать, покинув родной город и собственный дом, не желая разлучаться с дочкой, следует за нею и при этом поселяется отдельно в городе, где они обе пришли. В этом случае приходится признать, что между тещей и зятем существует такая несовместимость, что жить под одной крышей им совершенно невозможно, даже при упомянутых обстоятельствах.

Естественно, все в Вальдане сначала так и думали. И конечно, тот, кто потерпел из-за этого ущерб в глазах обитателей, был господин Понца. Что касается госпожи Фролы, если кто-то и утверждал, что во всем этом есть доля

и ее вины - из-за недостатка снисходительности, из упрямства или нетерпимости - все полагали, что все же ее тянула к дочери материнская любовь, даже если она и была обречена жить отдельно от нее.

В подобном суждении о госпоже Фроле и в том мнении, которое сразу же сложилось у всех о господине Понце - то есть, что он человек жесткий, даже жестокий, - большую роль сыграла, надо сказать, и внешность обоих. Коренастый, без шеи, смуглый, как африканец, с густыми, жесткими волосами на низком лбу, густыми и суровыми бровями, соединяющимися на переносице, с длинными и густыми, блестящими, как у полицейского, усами, с угрюмым, неподвижным взглядом темных, почти без белка глаз, в котором выражалась грубая, гневная и еле сдерживаемая сила - неизвестно, то ли от мрачных терзаний, то ли от раздражения при виде людей - господин Понца, конечно, не завоевывал симпатий и не располагал к близкому знакомству. В то время как госпожа Фрола - хрупкая, бледная пожилая женщина с тонкими, аристократическими чертами лица - обладала выражением хотя и меланхолическим, однако ненавязчивым, приятным и любезным, не исключая радужное ко всем отношение.

И вот госпожа Фрола сразу же преявила обитателям Вальданы доказательство своего радушия, совершенно в ней естественного, отчего в душе у всех сразу же возросла неприязнь к господину Понце; всем ясно представился кроткий нрав этой женщины, не только уступчивой и терпимой, но и полной всепрощающей снисходительности к тому злу, которое причиняет ей зять; кроме того, стало известно, что господин Понца не просто отправил несчастную мать жить отдельно, но и дошел в своей жестокости до того, что запретил ей видеться с дочкой.

Однако госпожа Фрола, нанося визиты дамам Вальданы, немедленно и с настойчивостью опровергала эту жестокость, умоляюще складывала руки и выражала откровенное сожаление по поводу сложившегося об ее зяте мнения. Она тут же начинала воспевать все его достоинства, описывать его с наилучшей стороны: о том, как он любит ее дочку, как ее лелеет, как внимателен не только к жене, но и к ней самой, да, да, и к ней самой, своей теще; всегда заботлив, бескорыстен... Ах, нет же, он совсем не жесток! Просто дело в том, что господин Понца не желает ни с кем делить свою женушку, дойдя до того, что даже та привязанность, которую полагается питать к собственной матери (и которую, по ее признанию, она несомненно питает), не должна исходить от нее напрямик, а только через него, через его посредничество, вот так. Да, это может показаться жестоким, однако это не так; дело совершенно в ином, совершенно в ином, о чем она, госпожа Фрола, прекрасно знает, но мучится оттого, что не может высказать. Природа, вот... да нет, скорее, какое-то заболевание... как бы это сказать? Господи, да ведь достаточно заглянуть ему в глаза. Может быть, поначалу они и производят жуткое впечатление, но тому, кто умеет в них читать так, как она, эти глаза скажут все: в этом человеке сокрыт целый мир любви, из которого жена не должна никогда выходить и в который никто другой, даже мать, не должны вторгаться. Ревность? Может быть; однако это слишком пошлое определение того чувства исключительного права, на котором зиждется его любовь к жене.

Эгоизм? Но это тот эгоизм, который бросает всю вселенную к ногам любимой женщины! Эгоизмом была бы, пожалуй, ее попытка силой вторгнуться в это замкнутое пространство их любви, зная при этом, что ее дочка счастлива и так любима... Для матери этого должно быть достаточно! С другой стороны, неправда, будто она совсем не видит дочку. Два - три раза в день она навещает ее: заходит во двор их дома, звонит, и та сразу же показывается в окне.

Как дела, Тильдина?

Прекрасно, мама. А у тебя?

Слава Богу, доченька. Спусти корзину!

Та спускает корзину с письмом, в котором сообщает, как правило, в нескольких строках о новостях текущего дня. Вот, ей вполне довольно этого. Так продолжается уже четыре года, и госпожа Фрола привыкла. Смирилась, да. И это положение уже почти не доставляет ей страданий.

Как с легкостью можно себе представить, подобная кротость госпожи Фролы и эта привычка - как она выражается - к мученичеству тем хуже сказывались на

репутации ее зятя господина Понцы, чем тщательнее она силилась оправдать его в своих пространных речах.

Поэтому с истинным возмущением и, я бы сказал, с опаской дамы Вальданы, которых впервые накануне посетила госпожа Фрола, воспринимали известие о столь же неожиданном визите господина Понцы, попросившего уделить ему две минуты, чтобы сделать "вынужденное заявление", если это, конечно, не доставит дамам беспокойства.

Весь пылая, почти задыхаясь, с еще более жестким и угрюмым взглядом, чем обычно, с платком в руках, который вместе с манжетами и воротником рубашки разительно выделялся своей белизной на фоне смуглой кожи, черной шевелюры и такого же черного костюма, господин Понца не переставая вытирал пот, капающий с его низкого лба и выскобленных, фиолетовых щек, однако не из-за жары, а от явного усилия над собой, отчего его большие руки с удлинненными ногтями дрожали; появляясь то в одной, то в другой гостиной перед дамами, глядящими на него почти с испугом, он интересовался вначале, не посетила ли их накануне его теща, госпожа Фрола; затем с нарастающей мукой, усилием и волнением спрашивал, говорила ли та о своей дочке и о том, что он якобы запретил матери видеться с ней и приходить к ним в дом.

Дамы, видя его в таком волнении, естественно, спешили заверить, что госпожа Фрола, хотя и упоминала действительно об этом запрещении, однако чрезвычайно хвалила зятя и даже добавила, что вовсе не обижается на него и, более того, ни в коей мере не вменяет ему в вину сей запрет.

Однако, услышав подобный ответ, вместо того, чтобы успокоиться, господин Понца начинал волноваться еще сильнее; его взгляд становился тверже, пристальнее, угрюмее; лоб еще гуще покрывался крупными каплями пота; и в конце концов, совершив над собой неимоверное усилие, он делал свое "вынужденное заявление".

А именно, все очень просто: госпожа Фрола, бедняжка, хоть это и может показаться невероятным, лишилась рассудка.

Да, вот уже четыре года, как она помешалась. И ее помешательство выражается как раз в том, что она верит, будто он не позволяет ей видеться с дочкой. С какой дочкой? Та умерла, скончалась четыре года тому назад; а госпожа Фрола с горя лишилась рассудка, что, пожалуй, и лучше, так как это безумие стало для нее убежищем от боли и отчаяния. Только отказавшись верить в смерть дочери и считая, будто он, ее зять, не позволяет им встречаться, она сумела не впасть в полное отчаяние.

Единственно из великодушия к несчастной, он, господин Понца, уже четыре года потворствует сему прискорбному помешательству, несмотря на то, что это требует от него немалых жертв: ведь ему приходится содержать два дома, один для себя, другой для тещи, неся при этом больше расходов, чем он может себе позволить; к тому же, и вторую жену, которая, по счастью, из милосердия охотно соглашается, вынуждает в свою очередь потворствовать душевнобольной. Однако милосердие, чувство долга, конечно... но лишь до некоторой степени: учитывая его общественное положение, господин Понца не может позволить, чтобы в городе о нем думали такие жестокие и невероятные вещи, будто он из ревности или по каким-либо другим причинам запрещает несчастной матери видеться с собственной дочкой.

Сделав сие заявление, господин Понца кланялся ошарашенным дамам и удалялся. Однако не успевало изумление дам хоть немного утихнуть, как вновь появлялась сама госпожа Фрола и с ласковым выражением печальной рассеянности просила извинить, ежели по ее вине посещение господина Понцы испугало дам.

После чего госпожа Фрола, в свою очередь, с самой невинной в мире простотой и естественностью объявляла - по огромному секрету, конечно! ведь господин Понца все же занимает важный общественный пост, и именно по этой причине она в первый раз остереглась говорить о том, что могло бы отрицательно сказаться на его карьере, - а именно, что несчастный господин Понца, отличнейший, безупречный секретарь Префектуры, учтивый, точный во всех делах, во всех своих мыслях, полный множества прекрасных достоинств, господин Понца, бедняга, только в этом единственном деле не... не владеет более своим рассудком, вот; это он, горемыка, на самом деле помешался; и его безумие заключается именно в уверенности, будто супруга скончалась четыре года назад и будто это она, госпожа Фрола, сошла с ума, считая свою дочку живой. Нет, им руководит не желание каким-то образом оправдать перед людьми

собственную почти безрассудную ревность и жестокий для матери запрет встречаться со своей дочкой, нет; он, бедняжка, в самом деле верит в то, что его жена скончалась, а та, что теперь с ним живет, это вторая супруга. Прескорбнейший случай! Ведь своей чрезмерной страстью этот человек действительно сам чуть не доконал, чуть не погубил свою молодую и хрупкую женушку, дойдя до того, что пришлось ее даже отнять у него тайком и спрятать в клинике. И что же, этот несчастный, у которого и так уже от любовного жара серьезно повредился рассудок, совершенно обезумел: он решил, будто супруга и вправду скончалась, и эта мысль так прочто укоренилась в его мозгу, что невозможно было его разубедить даже тогда, когда спустя год она вновь предстала перед ним, живая и цветущая, как прежде. Он принял ее за другую; пришлось даже с помощью родственников и друзей симулировать вторую свадьбу, что полностью вернуло ему умственное равновесие.

Теперь у госпожи Фролы, по ее мнению, есть некоторые основания подозревать, что зять полностью восстановил свои умственные способности и что теперь он лишь притворяется, будто считает вторым свой нынешний брак с целью держать жену только для одного себя, не позволяя ей ни с кем общаться, так как, видимо, иногда его одолевает страх, что ее могут вновь тайком у него отнять.

Ну, конечно. Чем же еще можно объяснить ту заботу, ту обходительность, которыми он окружил ее, свою тещу, если и в самом деле верит, будто женат теперь на другой? По идее, ему не следует чувствовать себя обязанным по отношению к той, которая якобы является теперь его бывшей тещей, не так ли? Обратите внимание, что госпожа Фрола приводит этот аргумент не в качестве довода его помешательства, а чтобы доказать самой себе полную оправданность ее подозрений.

- А пока, - заканчивала она со вздохом, приобретавшим на ее губах вид грустной, ласковой улыбки, - а пока моя бедная дочка вынуждена притворяться, будто она - это не она, а совсем другая; и мне самой тоже приходится делать вид, будто я лишилась ума и отказываюсь верить в смерть собственной дочери. Это мне, слава Богу, не стоит труда, поскольку вот она, моя дочка, жива и здорова; мы встречаемся, разговариваем; однако я обречена жить на расстоянии, даже видеть и говорить с ней мне приходится издалека, чтобы он мог продолжать верить, или делать вид, будто бы верит - Боже упаси! - в смерть моей дочки и будто та, что с ним теперь живет, это вторая супруга. Однако, повторяю, какое это имеет значение, если таким образом удалось вернуть покой обоим? Я знаю, что моя дочка любима, счастлива; я ней вижу, беседую; ради их любви я смирилась с своим положением и с тем, что меня принимают за сумасшедшую, сударыня. Что ж, терпение...

Вот я и говорю, не кажется ли вам, что в Вальдане есть отчего разинуть рот и выпучить глаза, как у полоумных? Кому из этих двоих прикажете верить? Кто из них сумасшедший? Где действительность и где призрак?

На все эти вопросы могла бы дать ответ госпожа Понца. Однако на ее слова нельзя полагаться, если в присутствии мужа она играет роль второй жены; как, впрочем, нельзя доверять и тому, что в обществе госпожи Фролы она выдает себя за ее дочь. Следовало бы отвести ее в сторону и выяснить правду с глазу на глаз. Однако и это невозможно. Господин Понца - помешан он или нет - и впрямь ужасно ревнив и никому не показывает свою благоверную. Держит ее в доме наверху, как узницу, под замком; и уже сам этот факт, безусловно, говорит в пользу госпожи Фролы; в то же время господин Понца утверждает, будто вынужден прибегать к подобным действиям, и даже более того, будто жена сама от него этого требует, боясь, как бы госпожа Фрола неожиданно не явилась к ней в дом. Возможно, это только предлог. Кроме того, господин Понца действительно не держит в доме прислугу. Говорит, будто это ради экономии, ведь ему приходится платить аренду за два дома; он даже взял на себя обязанность ежедневно самому покупать продукты; а супруга, которая, по его словам, не приходится дочерью госпоже Фроле, из сострадания к той, то есть к несчастной пожилой даме, бывшей теще своего мужа, тоже взвалила на себя всю, даже самую черную домашнюю работу, отказавшись от помощи прислуги. Всем это показалось в некоторой степени чересчур. Однако верно и то, что если такое положение дел не объясняется чувством сострадания, то причиной сего является ревность супруга.

А пока городской Префект удовольствовался объяснением господина Понцы. Хотя, конечно, внешность, да в немалой степени и поведение этого господина не говорят в его пользу, уж во всяком случае в глазах большинства вальдановских дам, склонных скорее верить госпоже Фроле. А та и впрямь всегда спешит показать им полные нежности записки, которые дочка спускает ей в корзине на веревочке, и еще множество разных свидетельств, которым господин Понца однако не придает ни малейшего значения, утверждая, будто они были выданы ей из сострадания, ради поддержания обмана.

В любом случае, очевидно одно: оба проявляют друг к другу удивительный, трогательнейший дух самопожертвования; и каждый из них с бережной снисходительностью относится к воображаемому помешательству другого. При этом оба рассуждают с таким здравым смыслом, что можно только удивляться, так что никому в Вальдане никогда не пришло бы в голову, что один из них рехнулся, если бы они сами этого не утверждали: господин Понца о своей теще, а госпожа Фрола о своем зяте.

Госпожа Фрола часто заходит в Префектуру проведать зятя, спросить у него какого-либо совета, иногда ждет его у выхода, чтобы он сопроводил ее за покупками; со своей стороны, господин Понца, довольно часто в свободные часы, а также каждый вечер навещает госпожу Фролу в ее меблированные комнаты; всякий раз, столкнувшись на улице, они тут же продолжают путь вместе, проявляя друг к другу величайшее радушие; он подает ей правую руку, а если пожилая дама устала, подставляет ей свое плечо; и так они следуют дальше среди хмурого раздражения, изумления и замешательства прохожих, которые изучают, всматриваются, следят за ними... однако ничего! Никто до сих пор никоим образом не в состоянии разобраться, кто же из них сумасшедший, где призрак и где действительность.

1917

*Перевод М. Гасановой - Мийат
Апрель 2006 г.*